

ПОЦЕЛУЙ ДАЗДРАПЕРМЫ

Роман

1. ПИССУАР

Этот год принес мне три важных события, связанных между собой. Первое: меня приняли в члены СП. Второе: меня, как члена, лечили в обкомовской больнице, где все так чисто и вежливо, что мне удалось заглотнуть резиновый шланг. Давно кололо в боку, я думал — аппендицит. Теперь врачи написали в бумажке: «Описторхисы во множестве». Я видел описторхисов на картинке: колючие мохнатые червяки, каждый с двумя ртами. Двустка сибирская! У нас ею вся рыба заражена, а я еще пацаном начал рыбачить. Теперь мне пятый десяток пошел. И столько лет эти сволочи мою печень грызли! Ой! Она же теперь вся в дырках!

Врачиха сказала:

— Они паразитируют в желчных ходах.

Через два дня в больнице мне дали порошок с ядом хлорсилом и кружку молока, запить этот яд. Я сказал:

— Ну, описторх, погоди!

Конечно, пострадала моя печень, но я остался жив, а описторхисы сдохли.

Третье: став писателем, я оставил муторную должность журналиста районной газеты и получил должность руководителя литературного кружка в престижном институте. Пусть — больная печень, изношены сердце и нервы, но я — писатель, мэтр, других буду учить писать. Жизнь меня потрепала, но мои черно-седые волосы, карие глаза, прямой нос и рост, будем считать, что он средний, еще позволяют надеяться на внимание женщин. К тому же, я теперь имею статус и непыльную должность.

— Я устроился на работу в ПИССУАР! — хвастал я, встречая родных и знакомых.

И все, кому я сообщал это, хлопали меня по плечу:

— Молодец! Передовой институт, у них даже есть секретная военная кафедра! Полутехнический институт слогом свисткового укрепления апробации режима, это тебе не хрен собачий.

Я думал сначала, что на вывеске ошибка. Нет. Полутехнический, правильно! Потому что предмет обучения лишь наполовину — техника, а другая половина — полуфантастические исследования. И пресса намекала, что институт этот — мировой. Насчет работы я говорил с проректором по науке Гением Философовичем Тартышкиным. Я смотрел на него с великим вниманием: сам он — Гений, а отец его был Философ. Это — что-то... Я хоть и стал писателем-профессионалом, с писательским билетом в кармане, но перед профессорами, академиками поначалу, пока не познакомился с ними поближе, испытывал некое благоговение.

Ничего... Потолковали. По штату ПИССУАРУ не положено иметь руководителя литературного кружка. Гений сказал, что меня оформят техником лаборатории синтеза. И вскоре у меня уже было удостоверение в кармане. Что такое синтез — я не знал и знать не хотел. Что-то такое связанное с симпеляцией дистрибуных гентронов. Пусть их кто другой симпелирует! Но каждую пятницу вечером в институтской многотиражке «Режимщик» я мог собирать молодых поэтов и прозаиков ПИССУАРА. Мог... Да попробуй, найди в таком сугубо техническом вузе хоть пяток начинающих писателей! Я уж в аудиториях выступил, объявления в холле развесил, а на первое заседание явилось всего три худосочных студента. И то один из них оказался не писсуаровским кадром, а кандидатом в студенты университета. А ведь Гений грозился проверить массовость моего кружка.

Проводя заседание кружка, я почувствовал, что за дверью кто-то есть. Я двинулся к двери, рывком распахнул ее и увидел женщину лет пятидесяти с лишком. Щечки ее пунцовели, как перезрелые яблочки, зеленые глаза, в сеточке мелких преждевременных морщинок, смущались:

— Извините меня, ради бога, Петр Сергеевич! Я из-за Васи переживаю. Я его в ваш кружок привела. У меня ваша книга, я на нее каждый раз перед сном молюсь, как на икону. И знаете, вся тяжесть с души спадает, и впереди свет брезжит, золотистый такой...

Она вынула из своего ридикюля мою книжку «Золотистый свет», паршиво изданную главновосибирским издательством два года назад. Причем этот «Свет» главновосибирцы маринвали в своем издательстве лет десять. Раза три меня вызывали в мегаполис, и в камерке на задах театра курящие дамы-редакторши терзали меня, как злые гарпии.

— А почему у вашего колхозника имя, как у одного из членов политбюро?

— Обыкновенное русское имя.

— Нельзя! Надо заменить!

— Но как же? У меня это имя несколько раз рифмуется.
 — А лучше пусть вовсе без рифмы будет.
 Они еще и почище придирались к моим стихам:
 — Что это у вас все зима, лед, морозы? И все ночь да ночь.
 — Ну, холодно же в Сибири! И ночь — время раздумий.
 — Да? А получается, что страна наша находится в состоянии вечной зимы и тьмы, а это уже знаете, как называется?..

В одном стихотворении они, по непонятным для меня причинам, тополя велели заменить березами, тучи — облаками. И подобным заменам конца не было. А когда я наконец получил книжку, я своих стихов вообще не узнал. Все там было поставлено с ног на голову. Но в местной газете появилась рецензия, перекликавшаяся с заголовком книжки и называвшаяся: «Истинный свет таланта». И вскоре меня приняли в писатели.

И вот теперь незнакомка взасос целовала грязноватую, в каких-то пунцовых пятнах, обложку моей позорной книжки. И с придыханием говорила:

— Она озаряет, вдыхает жизнь. Спасибо! Спасибо! Вот почему я привела к вам Васю. Помогите ему, он талант!

— Что ж, будем рады видеть и вас на нашем заседании. Ваше присутствие Васю приободрит.

Я был ей действительно рад. Эта дама плюс я и три студента составим уже боевую пятерку. И уже можно будет сказать, что в кружке занимается несколько человек.

— Нет! Не смею! — отказывалась для приличия дама.

Но я видел, что ей очень хочется принять участие в нашем заседании. И она все-таки зашла в комнату:

— Если только послушать краем уха, поглядеть одним глазком!..

Ее высокая и, видимо, давно обмякшая грудь часто и неровно вздымалась. Тина Даниловна, так ее звали, принялась уговаривать Васю, чтобы он не волновался, приговаривала при этом:

— Петр Сергеевич! Вы не думайте! Вася очень талантлив. Его не приняли на биолого-почвенный, но я его устроила лаборантом в гербарий. За год я его хорошо подготовлю, на будущий год обязательно его примут. Он в ботаническом саду такое свое стихотворение прочитал про пальму! Мы все плакали, рыдали даже! Ну, Вася, ну, пожалуйста.

Кандидат в университетские студенты был лохмат, и один глаз у него подозрительно поворачивался в одну сторону, а другой в другую. Пытаясь прочесть свои самодельные стихи, он разволновался, притопывал дрожащей ногой, прищелкивал пальцами. Съезжился, словно хотел залезть под стол, крикнул, как утка, и неожиданно хрипло выкрикнул:

— Так, значит!

— Как, значит? — попытался я его воодушевить.

Длинный и тощий, согнувшийся от страха, он что-то пришептывал, оглядывался на дверь, словно намеревался сбежать. Только раз он поднял глаза, когда я обратился к нему. Он наморщил лоб, запыхтел, опять один глаз у него закрутился в левую сторону, в а другой в правую. Было страшно: вдруг его глаз раскрутится до космической скорости, и он выстрелит этим своим глазом. А он еще и коленкой задрыгал. И вдруг сказал:

— В туалет хочу, извините.

— Это у нас сразу напротив нашей двери, — сообщил я.

Тина Даниловна сказала:

— Я знаю, вы написали такие стихи! Я даже сидеть рядом не смею, в лицо ваше смотреть не могу.

— Такой страшный?

— Что вы, нет! Просто вы — как солнце.

— Ну уж и солнце.

— Ах, Петр Сергеевич, эта ваша книжка на вес золота, ее теперь нигде не сыщешь, а то бы я подарила одной подруге на день рождения.

— Зачем же днем — с огнем? — сказал я. — Она в книжном магазине уж пятый год лежит, скоро в макулатуру отправят...

— Что вы говорите? В каком магазине?

— В «Искорке».

В этот момент вернулся Вася.

— Вы знаете, в туалете на стене надпись: «Твое будущее в твоих руках!» Я не понял, какое будущее?

— Этот вопрос мы обсудим позже, а сейчас, может, стихи читаете?

— Нет, сейчас кто-нибудь другой...

— Ну, писсуаровцы, давайте! — пригласил я.

— Да мы пока еще ничего не написали, мы просто послушать зашли, — ответили писсуаровцы, чем повергли меня в глубокую скорбь.

В это время постучали, и в дверь вошел брюнет, с широко поставленными, несколько удлиненными глазами, в черноте которых было нечто магнетическое. Брюнет сказал, что принес заметку в газету. Я тут же

решил сагитировать его писать стихи. Прочел заметку. Она была о том, чем занимаются студенты на лекциях. Я понял, что его и агитировать не надо. В отличие от Васи, он был поэтом. И заметка была — не заметка, а стихотворение в прозе, причем афористичное, юморное, емкое. А особо меня удивила подпись под стихотворением. Брюнет расписывался не слева направо, как все люди, а наоборот.

Звали студента Рафисом Габдрахмановым и учился он на пятом курсе ПИССУАРа. Это был ценный кадр для моего кружка, я обрадовался.

— Ходите в наш кружок обязательно, я вас сделаю поэтом, — пообещал я Рафису. — Вы, кстати, очень оригинально расписываетесь. Покажите, как вы это делаете.

Рафис взял лист бумаги и расписался справа налево левой рукой, потом проделал то же самое правой рукой. Потом расписался сразу двумя руками, и обе росписи были сделаны справа налево.

— Да вы просто фокусник! Долго тренировались? — спросил я.

— Почти не тренировался, — ответил Рафис. — Оно как-то самой собой вдруг стало получаться.

— Хорошо, приходите на следующее занятие, приносите новые стихи, вас только чуть-чуть подучить стихосложению, и вы — готовый поэт!

— Ладно, спасибо, — отвечал пятикурсник. — А сейчас побегу, уже опаздываю.

Он исчез. Я попросил кружковцев прочесть стихи, пусть не свои, кто какие помнит. Никто читать не хотел. Памятуя, что дурной пример заразителен, я сам стал читать стихи, не те, что в книжке, но другие, озорные, веселые. Потом объявил наше историческое первое заседание закрытым и каждому студенту велел на следующее заседание привести, как минимум, по два молодых таланта.

— Они же есть, их не может не быть! — сказал я строго.

Студенты промолчали. А Тина Даниловна заявила, что знает одного очень талантливого, а может быть, и вообще гениального человека. Но он не поэт, а прозаик. И он не студент, а начальник. И спросила: можно ли его привести на следующее занятие?

Я с тоской подумал, что на следующее заседание может вообще никто не прийти. Вася перепуган, писсуаровцы, кажется, моих стихов не поняли. Никто не придет, и я лишусь должности и своего замечательного удостоверения, и в конечном счете — лаборантской зарплаты. Я попросил Тину Даниловну, чтобы она обязательно привела на следующее заседание своего удивительного прозаика и вообще всех своих знакомых, которые интересуются стихами или прозой.

— Ничего страшного, если это будут не студенты ПИССУАРа. Пусть только они, если на занятия заглянет проректор, назовут себя работниками института. Ну, техниками там, вахтерами, кем угодно. Тут почти две тысячи человек работников, что он их всех помнит, что ли?

2. КОПЧЕННЫЙ ОМУЛЬ

На чердаке писорга, где я ютился в маленькой комнатухе, сохранилась еще дореволюционная печь с вьюшками.

В среднем этаже, в кабинете ответственного секретаря писорга был слышен звон стаканов. Там наш писательский начальник Авдей Громыхалов принимал гостей. Член обкома, ездит на казенной черной «Волге» с хромированным «оленом» не только по городу Тамску, но и по многим другим городам. Получает паек в партийном распределителе. Главный его роман «Дикое семя» переиздан двенадцать раз. Трижды Авдей был за границей. Я видел фотографию: Авдей сидит на слоне в Индии, словно магараджа какой. У него жена профессор, у него любовницы. Всего достиг!

Начинал с малого. Окончил автодорожный техникум. Попал в Нижне-Амурск. Строил дороги в тайге, писал в газеты. В его рассказах бродили медведи, были волки, таились на деревьях коварные рыси, горели костры первопроходцев, падали с кедров шишки, и всякая таежная ягода наполняла рот читателя терпким соком.

Пригласили работать в газете. Издал первые книжки. Столичный журнал «Соотечественник» принял его в редколлегию. Вот тогда он напечатал в журнале повесть, посвященную секретарю обкома Тамской области Кузьме Тягачеву. А опытный политик сразу понял, что такого писателя ему обязательно надо иметь в своей области...

Я спустился с чердака, ведомый звоном стаканов. Выпивка мне не так уж нужна, но теперь был праздник и захотелось общения. В среднем этаже старого купеческого дома писатели занимали три комнаты. В одной из комнат была приемная, где обычно стучала на машинке черно-седая с угольными бровями и глазами дама, жена полковника КГБ. Случайно ли она стала секретарем-машинисткой писательской организации? Об этом никто здесь не говорил. Азалия Львовна почти всегда держала в уголке рта папиросу. Дело свое знала, кого попало в кабинет к Авдею не впускала, печатала чисто. А когда у Авдея затевалась выпивка, то и Азалию обязательно приглашали.

Увидев эту даму я невольно вспоминал историю дома, приютившего ныне писательскую организацию и меня лично.